

Инна Владимирова

Штурмуя небеса

16+

Инна Владимировна Штурмуя небеса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27443801

SelfPub; 2019

Аннотация

Самые обыкновенные дни оставляют в нашей душе как приятные воспоминания о каких-то событиях, так и гниющие шрамы. С тех пор прошло так много дней, недель, месяцев. Причем, самых обыкновенных. Пять лет назад все закончилось именно здесь, именно на этой пристани. Именно тогда, пять лет назад, Таня Зимина сделала свой выбор. Но правильный ли? Она до сих пор не знала. Но была рада, что все закончилось.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	60
Глава 6	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Предисловие

Все вы наверняка знаете, что в году 365 дней... 365 отрезков, состоящих из 24 часов, 1440 минут, 86400 секунд. И целая бесконечность мгновений... Каждую секунду в мире что-то происходит. Одни люди налаживают свои дела, другие теряют все свое состояние, одни рождаются, другие умирают. Кто-то сейчас уже проснулся, а кто-то только ложится спать. Кто-то встретил нового человека, а кто-то потерял лучшего друга. Одни моменты нашей жизни совершенно обычные, ничем не отличающиеся от других, а другие могут поменять нашу жизнь очень резко и, возможно, зло.

Это было самое обыкновенное февральское утро. Оно ничем не отличалось от других – дул холодный, колючий ветер. Серый снег все еще лежал на земле. Небо было затянуто светло-серыми облаками.

Набережная была пуста, лишь на пристани стояла девушка. Она, закутавшись в шаль, смотрела на противоположный берег реки. «Снег ночью будет, – думала она, смотря на облака, – как тогда...»

Самые обыкновенные дни оставляют в нашей душе как приятные воспоминания о каких-то событиях, так и гниющие шрамы. С тех пор прошло так много дней, недель, месяцев. Причем, самых обыкновенных. Пять лет назад все закончилось именно здесь, именно на этой пристани. Именно

тогда, пять лет назад, она сделала свой выбор. Но правильный ли? Она до сих пор не знала. Но была рада, что все закончилось.

Глава 1

24 июля, 1942 г.

г. Ростов-на-Дону

Таня с презрением смотрела на проезжающие мимо нее машины, везущие в себе сотни, тысячи эсэсовцев. Ростов был оккупирован.

Таня должна была эвакуироваться вместе со всеми пару дней назад, но не успела. Все, кого она знала, успели уехать, а она нет. Она осталась в городе вместе с матерью. «Может, – думала она, – это и к лучшему. А вдруг Коля письмо пришлет, а меня не будет?»

Коля – ее старший брат, ушедший к партизанам. Она не видела его уже месяц, но знала, что с ним все в порядке. Это не первый раз – в 41 году Коля уже уходил к партизанам. И тогда она не видела его всего два месяца. Но тогда он вернулся к ней живой и невредимый, как и обещал. «И в этот раз вернется», – твердила она себе.

Коля заменял ей отца. До войны отец постоянно пропал на работе – завод полностью забирал его у семьи. Сейчас его забрал фронт. За прошедший год она получила от отца лишь три письма. «Все в порядке. Не обещаю скоро вернуться. Позаботься о матери» – письма были почти одного и того же содержания. Менялись лишь места их отправки. «Хотя бы живой, и то радуется», – вздыхала мать, читая письма.

Таня, поняв, что руки наконец отдохнули, взяла чемоданы и продолжила идти, недобро посматривая на немцев. Она должна была уехать пару дней назад вместе со всеми, но ее попросила остаться на денек ее подруга – Лиза Булавина. Она хотела, чтобы Таня проследила за тем, как из их квартиры увезут мебель. Увезти должны были на следующее утро, когда семья Булавиных уже должна уехать. И Таня по доброте душевной согласилась. Грузчики не приехали, мебель никто не вывез, а Таня не успела на свой поезд.

Вчера они с матерью снова попытались эвакуироваться из Ростова на последнем поезде. Но сначала их чуть не затоптали на вокзале, украли одну из материних сумок, а потом попросту не пустили к вагону, так что пришлось ночевать на вокзале. Как потом оказалось, вокзал захвачен немцами. Да и не только вокзал, а весь Ростов.

Мать, раздосадованная тем, что они не успели на поезд, проклиная Лизу Булавину с ее мебелью, вернулась домой, а Таня, решив погулять по городу, свернула на Энгельса.

И вот сейчас она шла возле здания университета, смотря на проезжающие мимо нее машины. Чемоданы с вещами нещадно оттягивали ей руки вниз и резали ладони. Хотелось бросить их прямо тут, на тротуаре. Но она не могла этого сделать. Ей нужно было вернуться домой. «Ничего, – думала она, – сейчас будет дом Лизаветы, а почти рядом мой. Тут же идти – всего ничего».

Уже возле прохода во двор дома, где жила Булавина, Таня

снова остановилась передохнуть. В этот же момент рядом с ней остановился черный Хорьх с опущенными стеклами. Его пассажир, красивый блондин в форме, сидящий на заднем сидении, повернул голову в сторону девушки, снял солнцезащитные очки и подмигнул ей. От неожиданности Таня выронила один из чемоданов. Немец рассмеялся и быстро что-то заговорил на своем языке. Таня, которая в школе учила немецкий, из всей его речи разобрала лишь слово «красавица». Стараясь не обращать внимания на продолжавшего что-то говорить блондина, она ловко подняла чемодан и юркнула во двор.

Таня, спрятавшись за аркой, ждала, когда уедет тот самый Хорьх с сидящим внутри него блондином. Прождав минуты три, она снова вернулась на улицу. «Ну, теперь эти немцы повсюду, – думала она. – Так что не вечно же мне прятаться».

Девушку немного смутило то, что тот блондин засмеялся. Да и вообще, все те немцы, которых она сегодня видела... Не такими она представляла себе их. В ее воображении они были кусками камня, лишённые всяких эмоций и чувств. Но все это лишь до сегодняшнего утра. Ведь она впервые увидела их вживую. И они никак не были похожи на то, как она их воображала. Они смеялись, разговаривали. Они были как самые обычные люди. Хотя, почему «как»? Они и были самыми обычными людьми. Только носили они другую форму.

Наконец придя домой, Таня оставила чемоданы у двери и устало прислонилась к стене. Ей казалось, что она прошла

не около километра, а, как минимум, десять. Сейчас ей хотелось просто лечь поспать.

Пройдя в коридор, она остановилась на пару секунд. Собственная квартира показалась ей какой-то чужой, мертвой. Из-за открытой двери, ведущей в одну из двух комнат, выглядывал полупустой шкаф. Рядом на полу стоял хрусталь, который Таня с мамой очень хотели, но не смогли перевезти – он был слишком тяжелой ношей. Фикус одиноко стоял на подоконнике, уныло повесив листья. Таня, вздохнув, протерла ладонями глаза и прошла в кухню.

Опустившись на стул, она положила руки на стол. Мать молча стояла у плиты. Нет, она ничего не готовила. Таня уже знала ее эту привычку – когда она о чем-то серьезно задумывалась, то стояла у плиты и, сложив руки на груди, смотрела куда-то сквозь окно. И Таня знала, о чем сейчас она думает. Как жить? Немцы оккупировали город. Что будет? Будет ли эта оккупация такой же короткой, как и первая? Что ждет Ростов?

– Таня, – неожиданно тихо произнесла ее мама, – Лиза умерла.

Девушка посмотрела на мать. Та, так и не поворачиваясь к ней лицом, продолжила говорить:

– Тот эшелон, в котором они ушли... Их подожгли возле Батайска. Все было зря... Мы могли бы успеть на поезд, если бы не мебель...

Женщина еще что-то тихо говорила, но Таня ее не слуша-

ла. Она встала из-за стола, медленно прошла в коридор и, взяв связку ключей, вышла из квартиры.

Внутри Тани будто что-то оборвалось. Раз – и нету. «Лиза умерла» – эти слова постоянно звучали в ее голове, набатом стуча по вискам. Была подруга – и нету. А ведь она всего два или три дня назад просила ее проследить за тем, как увезут их мебель. Была семья Булавиных – и нету.

Таня знала Лизу с самого первого класса. Лизочка была очень добрым человеком. Она всегда помогала Тане, если той требовалась помощь. Она часто приглашала ее к себе в гости. Они всегда гуляли вместе. Они все десять лет в школе сидели вместе за одной партой. Они окончили одно и то же училище. А теперь Лизы нет...

Таня, все еще пытаясь переварить то, что сказала ей мама пару минут назад, и не заметила, как дошла до небольшого зданьца с большими окнами на первом этаже. Между массивной дверью и окном висела неприметная табличка, на которой некогда было написано название заведения, но, к сожалению, стерлось. Таня, грустно улыбнувшись, достала ключи и стала отпирать дверь.

Это был старый бар, в котором Таня работала уже два года официанткой. Баром заведовал Машков Виктор Петрович, который, отдав Тане запасные ключи, успел эвакуироваться из города почти три недели назад. Все остальные, кто работал в баре, тоже успели сбежать. Осталась только Таня, которая не могла вот просто так взять и бросить бар. Он стал

ей таким родным, таким уютным по-домашнему. Не по-человечески бы получилось, если бы Таня ушла.

Таня, пройдя внутрь зала, даже и не обратила бы внимания на то, как закрылась дверь, если бы не звякнул колокольчик. Девушка, проходя за стойку бара, улыбнулась. Какой же это привычный звук для нее этот колокольчик. Такой родной... Два года она слышит этот звук. Два года... Виктор Петрович и остальные стали для нее самой настоящей семьей. А теперь осталась только она.

Бессильно опустившись за вытертую стойку бара, она сложила руки перед собой и зарыдала. Виктор Петрович уехал, все остальные тоже, Лиза умерла... Тане казалось, что она осталась одна-одинешенька в этом мире. Что нет больше никого, кому она была бы нужна, кто мог ее защитить, кто мог бы с ней просто по-дружески поговорить. Осталась только семья, да и то... Отец пропадает на фронте, брат где-то с партизанами. А ее жених, Гришанчиков Олег, с которым они так и не успели сходить в загс, умер. Его расстреляли немцы еще при первой оккупации Ростова.

«Одна, совсем одна, – с горечью думала Таня, продолжая плакать. – Как там у Лермонтова? И скучно и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды...»

Тихо звякнул дверной колокольчик, зашуршали по полу шаги. Таня, утирая лицо ладонями и шмыгая носом, пыталась рассмотреть вошедшего.

– Простите, мы не работаем, – произнесла она, пугаясь

своего же охрипшего после слез голоса.

Незнакомец остановился в тени, так что Тане трудно было увидеть его.

– Вы не поняли? Мы не работаем, – повторила она.

– Я не понимаю по-русски, – сказал незнакомец на немецком и после этого сделал шаг навстречу Тане, выходя на свет.

Девушка сразу же его узнала. Это был тот самый блондин из Хорьха, которого она видела утром. «Что он тут делает? – думала она, смотря на его военную форму. – Что ему надо?»

– Мы не работаем, – повторила Таня, только уже на немецком. «Хоть не зря в школе учила», – подумала она.

– Почему ты плакала? – спросил мужчина, подходя к стойке бара.

Таня молча смотрела на него. Высокий голубоглазый блондин, да еще с шикарной улыбкой в придачу. «Ну настоящий ариец», – мысленно усмехнулась она.

– Вам-то какая разница? – девушка отвернулась. – Уходите. Я же сказала, мы не работаем.

– И все же, – он подошел еще ближе и остановился, опершись о стойку бара. Таня сделала пару шагов, скрываясь от него в темноте. – Ну куда ты убегаешь? Хватит прятаться в тени. Ну же, иди сюда. Ты...

– Уходите, – прошептала она. – Оставьте меня одну.

Немец удивленно хмыкнул, но отошел от стойки и направился к выходу. Таня, облегченно вздохнув, уже готовилась

услышать тихий звон колокольчика над дверью. Но внезапно раздался звук перебираемых клавиш стоящего в углу, рядом с окном, фортепьяно. Таня, обернувшись, посмотрела на блондина, который, играя, поглядывал на нее и явно не собирался уходить, возмущенно вздернула плечиками и ушла в служебное помещение.

Спрятавшись за стеной, Таня обиженно скрестила руки на груди. Ее бесило то, что блондин никак не хотел уходить. «Кажется, – пронеслась мысль у нее в голове, – это уже было. Ты сегодня утром точно так же пряталась от него».

– Выходи, – смеялся из зала он, продолжая наигрывать Моцарта. – Я никуда не уйду.

Таня знала, что попросту глупо себя ведет, прячась от него за стенкой. Но не будет ли еще глупее, с ее стороны, выйти к нему? «Придется, – думала она, закусив губу, – придется выйти. Это глупо. Я веду себя как маленькая обиженная девчонка. Ему здесь не место, он должен уйти. Хотя... Я не смогу его выгнать. Теперь они – хозяева города. Так что...»

Таня несмело вышла из служебного помещения и медленно подошла к фортепиано. Немец, все еще играющий, посмотрел на нее и весело улыбнулся.

«Какие у него глаза, – отметила про себя девушка. – Большие, ясные, светло-голубые и холодные. Как два кусочка льда».

– О-о-о, – протянул немец, бросая игру и поднимая руки вверх, – я капитулирую перед твоей красотой, фройляйн! Со

мною такое впервые, но я хочу тебе сдаться!

Таня грустно улыбнулась. Кажется, он только что пошутил, но ей не было ни весело, ни смешно.

– Пожалуйста, – устало произнесла она, – уходите. Мы, правда, сейчас не работаем.

Блондин послушно встал и, проходя к входной двери, спросил:

– Что, одна осталась? Ладно, можешь не говорить, вижу, что одна.

– Поэтому вы придете со своими друзьями разграблять меня? – ответила вопросом на вопрос Таня, не подумав. Произнеся эти слова, она поняла, что зря это сделала. «Думай, а потом говори, – твердила она себе, ожидая ответа немца. – Теперь он здесь хозяин».

– Ну, мы же не изверги, чтобы грабить такое уютное заведение такой прекрасной фройляйн, – остановившись у двери, он ответил, мягко улыбаясь.

Таня была удивлена, услышав такое. Она боялась, что после ее вопроса на ее могут наорать или даже ударить, но чтоб такое... Страх девушки сразу же пропал. Она перестала бояться немца, осмелела.

– Ты же обслужишь нас, если я завтра приду с друзьями? – немец взялся за дверную ручку.

– Э... Может быть, – уклончиво ответила девушка. Ей хотелось, чтобы он сейчас же ушел. Чтобы он не задавал никаких вопросов и просто ушел.

– Что ж, – над дверью звякнул колокольчик, – до завтра?

Таня неопределенно кивнула, поспешно закрывая дверь на ключ. Тут же Таня услышала, как этот блондин начал на-свистывать какую-то мелодию, отходя от бара.

«Почему он такой добрый? – думала она, идя к стойке. – Я не испугалась его... Почему? Наверное, потому что он играл на фортепиано. Я подумала, что злой человек не может так хорошо играть. А почему я так подумала? Но ведь так оно и оказалось... Хотя, я не могу сейчас делать никаких выводов. Вот завтра он придет... Стоп! Почему я жду его прихода? Он ведь... захватчик. Таня, очнись! Пусть у него тысячу раз тонкая душевная организация, пусть!.. Но ты должна не забывать о том, кто он».

Взяв на кухне тряпку и смочив ее под краном, девушка пошла протирать стойку. Та хоть и была абсолютно чистой, но Тане просто надо было чем-то себе занять, чтобы отвлечься от мыслей, атаковавших ее. Мысли о погибшей Лизе, об этом немце – все не давало ей покоя. Ей необходимо было уйти, спрятаться от всех этих проблем, просто побыть одной. Домой она решила сегодня не возвращаться – переночует здесь, в баре.

Глава 2

Весь следующий день Таня провела в баре. Домой ей категорически идти не хотелось – она знала, что мать будет снова говорить про Лизу. А про Лизу ей сейчас хотелось слушать меньше всего. Поэтому она сидела за стойкой и, уложив голову на согнутые в локтях руки, смотрела в окно.

Проведя много часов за размышлениями, Таня все никак не могла понять, почему все так происходит. Почему Лизы вдруг не стало? Почему так внезапно умерла эта чистая, прекрасная девушка? Почему тот немец был так мил с ней? Почему она так смело говорила с ним? Почему сейчас она сидела здесь, в баре, и ждала его прихода? У Тани было множество вопросов, но ответить толком на них она не могла. Она вроде и находила какие-то объяснения, но потом понимала, что они звучат по-детски, или находился какой-то факт, который им противоречил.

Но больше всего Таню интересовало поведение того блондина. Он улыбался, шутил и так хорошо играл на фортепиано, что этим полностью ломал все представления девушки о немцах. Сколько им говорили об их беспощадности, хладнокровности – этого не было. Не было того звериного оскала, который им пририсовывали к агитационным плакатам. Он не направлял на нее дуло своего оружия, даже ни разу не попытался ударить ее. Этот блондин выбивался из той серой

массы, он не был похож на остальных.

Заметив, как на улице уже начало темнеть, Таня собралась и, закрыв за собой все двери и выключив свет, пошла домой. Но, пройдя один квартал, она поняла, что за ней следом кто-то идет. Она спиной чувствовала, как кто-то смотрит на нее, чуть ли не прожигая ее взглядом. Ей было не по себе. Оборачиваться было страшно, поэтому она лишь прибавила шагу.

Когда же она подходила к дому Лизы, то незнакомец все еще шел за ней. «Нет, домой нельзя, – решила Таня, смотря на многоэтажный дом. – Там мама. Никак домой нельзя. – Взгляд ее остановился на балконе Лизы. – А что, если?.. – Шаги сзади не стихали. – Да, решено. Может, мне кажется, и этому человеку просто по пути со мной, но... – она нырнула во двор. – Но лучше мне сегодня не ходить домой».

Зайдя в подъезд, девушка на пару секунд задумалась о том, правильно ли она сделала. Да, может, она оторвалась от преследователя, но впереди ее ждало... Она сама не знала что, но явно ничего хорошего – с верхних этажей доносились смех и громкие разговоры на немецком. «Значит, – подумала Таня, медленно поднимаясь по лестнице наверх, – дом теперь их. Надеюсь, хоть квартиру Лизы не заняли».

Поднимаясь вверх, Таня проходила мимо распахнутых дверей опустевших квартир, где теперь хозяйничали немцы. Из каких-то квартир доносились до нее их смех, громкий говор, звон стекла и пьяные песни. Но, что, несомненно, радовало ее, ее никто не замечал. Всем просто было не до нее.

Когда же она остановилась перед распахнутой дверью квартиры на пятом этаже, то огорчилась – Лизину квартиру также заняли немецкие солдаты. Но отступить Тане было поздно – заметив ее, немцы высыпали на лестничную площадку.

– Твоя квартира? Да? – кричали они одновременно. – Твоя?

Таня, испугавшись, молчала. Она не знала, стоит ли отвечать им на немецком. «Может, – думала она, – будет лучше, если они будут думать, что я не знаю их языка? Наверное...»

– Русиш? Русиш! – закричали они и, рассмеявшись, схватили ее за руки. – Русиш!

Таня начала брыкаться и пятиться назад, но ее, затаскивая в квартиру, держали крепко. Распахнув одну из дверей, ее толкнули в комнату и крикнули вслед:

– Живи! – видимо, один из них уже успел выучить пару русских слов.

Тут же дверь захлопнулась. Снаружи послышался громкий смех, потом все стихло – солдаты ушли либо на кухню, либо в дальнюю комнату.

Таня присела на край кровати, потирая болевшие запястья, за которые ее слишком сильно держали. Это была самая маленькая комната в квартире – угловая, в ней всегда было холодно. Раньше тут была собственная библиотека семьи Булавиных, а потом из нее сделали гостевую спальню.

«Ну, – думала Таня, осматривая комнатку, – уж лучше,

чем совсем ничего. Хотя, чему я радуюсь? Черт! Ну зачем, зачем я пошла сюда? Придумала сама себе, что за мной кто-то следит, и пришла сюда. Лучше бы побродила по кварталу, ей-богу! И что теперь делать?»

Таня, разувшись, забралась на кровать с ногами, подобрала их под себя. Закутавшись в одеяло, она взглянула в окно. Уже совсем темно. Короткая стрелка часов остановилась на восьмерке и сдвигаться не собиралась. Немцы за стенкой также продолжали шуметь.

Девушка пыталась понять, что ей теперь делать. Уйти у нее явно не получится – немцы ее просто не выпустят. Засыпать тоже было страшно – а вдруг войдут? Оставалось только вот так сидеть на кровати и смотреть в окно, стараясь не заснуть.

«Как же это ужасно, – думала она, смотря в окно. – Нет, это невозможно!.. Во что они превратили город? А ведь только несколько дней здесь... А кругом пьяные, развязанные солдаты этой *величайшей* немецкой армии. Хотя, это же им удалось занять *наш* город. Как они себя ведут? Как, как... Как победители. Что им еще остается делать? Конечно же, праздновать свою победу».

За всю ночь ей удалось только подремать. И то недолго – она почти сразу же просыпалась, боясь, что солдаты могут войти. Пару раз она вставала и ходила по комнате, разминая затекшие ноги. Свет она не включала – боялась.

На рассвете она несмело приоткрыла дверь и выглянула в

коридор. Немцы спали. Закрыв за собой дверь на ключ, она выбежала в подъезд, а затем на пустую улицу. «Домой, скорее домой», – мысленно подгоняла себя Таня, быстро, почти бегом, двигаясь к своему дому.

Мама еще спала, поэтому Таня тихо прошла в свою комнату, стараясь не разбудить ее. Раздевшись, она улеглась в постель – глаза слипались на ходу. Ей срочно нужно было поспать, хоть немного.

Проснувшись под вечер, Таня, умывшись, пришла на кухню. Там за столом сидела ее мама, которая, подперев щеку кулаком, смотрела в окно. Таня молча уселась за стол.

– Обед на плите, – тихо произнесла женщина. Она хотела добавить что-то еще, но промолчала.

– Ты хотела что-то еще сказать? – спросила Таня.

– Да, – она кивнула. – Завтра... Как бы сказать? Завтра, в общем...

– Что? Что завтра?

– Завтра я займу твою комнату.

– Зачем?

– Немцы.

Она замолчала. Да и Таня и так все поняла – их квартиру занимают немецкие солдаты, как заняли квартиру Булавиных. Хотя, чего она хотела? Сейчас вот так всех, кто остался в Ростове, выселяют. Им еще повезло – разрешили хотя бы комнату оставить. И еще предупредили, мол, завтра въезжаем.

Но Таня понимала, что им вдвоем будет тесно – комната у нее небольшая. Поэтому она сказала матери, что пока проживет в квартире Лизы.

– Ее разве не заняли? Мне утром сказали, что их дом полностью заняли офицеры.

– Заняли, но там комната... Мне разрешили.

Женщина, вздохнув, кивнула и, встав со своего места, ушла. Необходимо было убрать вещи из комнат.

Таня, быстро пообедав, взяла один из своих чемоданов, которые она так и не разобрала позавчера, и ушла в бар. Ее почему-то так и тянуло туда. Этот бар, ставший для нее вторым домом, – она не могла без него. Она просто не могла не пойти туда. «А вдруг разграбят? – думала она, шагая по улице. – Вдруг стекла побьют и влезут? А вдруг – уже?.. А вдруг... вдруг пришел он? Хотя, какое мне дело до него. Он же шутил. Наверное».

Когда она уже подходила к бару, то перед ней неожиданно появился один немецкий солдат. Кажется, он выкатился из ближайшего подъезда, упав прямо перед Таней. От мужчины несло перегаром. Таня, поморщившись, сделала шаг в сторону, желая обойти его и продолжить идти дальше. Но тот вскочил и, что-то лопоча на немецком, кинулся к ней. Таня отшатнулась, и немец пролетел мимо нее, упав на асфальт. Таня быстро зашагала вперед, не дожидаясь, пока тот встанет и догонит ее. Завернув за угол, она прошла через двор и зашла в бар через черный ход.

Закрыв за собой дверь, Таня оставила чемодан в коридоре у двери и прошла в зал. Привычно опустила за стойку и стала глядеть в темные окна. Спустя пару минут поняла, что сидеть просто так не может – встала, прошла к фортепиано. В голове ее сразу зазвучал Моцарт, которого наигрывал тот немец. Таня, заулыбавшись, открыла крышку и нажала на несколько клавиш. Она не умела играть, но ей хотелось воспроизвести то, что играл блондин. Он так мастерки это делал...

Тут она услышала, как кто-то открыл дверь черного хода, зашел и почти «бесшумно» закрыл ее за собой. «Неужели тот, с улицы?» – взволнованно подумала Таня, подходя к арке, которая вела в служебные помещения. Оттуда до нее донесся тихий мат. «Русский! – обрадовалась она, осмелев. – Но кто? Хозяин не вернулся бы, остальные – тоже...»

Выглянув из-за угла, она увидела огромного мужчину, который, видимо, споткнулся об ее чемодан, когда заходил. Он, почувствовав, что за ним наблюдают, резко распрямился и развернулся лицом к девушке. Таня не сдержала крика:

– Дядя Миша!

– Танька! – мужчина заулыбался и, раскрыв свои медвежьи объятия, обнял девушку.

Дядя Миша или Михаил Иванович Щербаков был ее дядей – родным братом ее матери. Он всегда жил в Краснодаре, поэтому Таня очень удивилась, увидев его здесь.

– Какими судьбами? – Таня отодвинулась от него, чтобы

осмотреть.

– Выросла-то как, а! – усмехнулся он. – Похорошела! А я? Я, это... А, ты же не знаешь! Я же приехал к вам еще зимой, до оккупации и как-то случайно попал в подполье, стал комиссаром.

– Вы серьезно? – спросила она.

– Да, – он кивнул. – У тебя есть попить чего? Второй день на ногах... От этих чертей нигде не скроешься.

– Есть, есть, – она провела его в зал. – Как вы вообще нашли меня? Я про бар.

– Мать сказала. Я к ней сначала пошел, чуть не поймали.

– Дядь Миш, – она протянула ему стакан с водой, – а расскажите про подполье.

Как только Таня услышала про подполье, в ее голове родилась идея. Дикая, опасная, но Таня была готова. Это было именно то, что нужно ей.

– А что рассказывать? – он одним осушил стакан. – Антифашистские листовки, диверсии. А тебе зачем это?

– Дядь Миш, – растягивая гласные, произнесла Таня.

– Э-э, нет, голубушка, – он со стуком поставил стакан на стойку, – даже не думай.

– Но...

– Ты себя видела? Ну ты же девушка, Танька!

– Дядь Миша!

– Что «дядь Миша»? Я уже сколько лет дядь Миша... – он вздохнул. – Ну что, что ты смотришь на меня? Не отступишь-

ся теперь, да? – она утвердительно кивнула. – И что с тобой мне делать? Эх, Танька... Хорошо, хорошо! Действительно этого хочешь?

– Да!

– Ладно, завтра пойдем... И зачем тебе только это?

– Дядя Миша, вы серьезно? – Таня грустно улыбнулась. – Вы видели, что на улицах?

– Видел... Да только тебе зачем бороться с этим? Тебе-то!..

– А кому, если не мне, – Таня встала со своего места, взяла пустой стакан и понесла его в мойку.

Тут Таня вспомнила, что тот блондин обещал зайти к ней, причем с другом. «Только бы не сейчас, – испуганно подумала она, чуть не выронив стакан из рук. – Только бы не сейчас!.. Когда угодно – завтра, послезавтра, но только бы дяди не было!»

– Тань, – донесся голос мужчины из зала, – я тут переночую?

– Хорошо, – кивнула она. – Я вас запроу и домой пойду, а утром зайду за вами.

Утром, на рассвете, Таня выскочила из квартиры Лизы и понеслась к бару. Она боялась, что дядя Миша заждался ее, что она опоздала. Но, когда она вошла в бар, то тот спал еще, улегшись на одном из столов.

Разбудив его, Таня сунула ему хлеб и стакан воды. Она торопила его – ей не терпелось, хотелось скорее попасть в отряд.

Они не шли по центральным улицам – дядя Миша боялся попасться немцам – его уже давно искали. Приходилось пробираться какими-то тихими, богом забытыми двориками. Все еще спали.

Когда же они остановились возле небольшого двухэтажного дома, мужчина осмотрелся и поманил Таню за собой в подвал. Сначала она ничего не могла разобрать – вокруг одна темнота, в которой дядя Миша легко ориентировался, ведя ее за собой. Наконец глаза привыкли – она стала различать очертания какой-то мебели, хорошо видела стены.

Тут они повернули последний раз и оказались в маленькой комнатушке. Здесь стоял стол, за которым сидел мужчина средних лет, куривший трубку. В свете лампы, которая освещала его со стола, его лицо казалось серьезным и даже немного грозным. Рядом с женщиной стоял молодой парень, который держал в руках какие-то бумаги.

– Михаил Михайлович, вот, племянницу привел, – произнес дядя Миша, подходя к столу. – Эх, побьет меня твоя мать за такое...

Коротко обрисовав ситуацию, дядя Миша замолчал. Таня все это время стояла возле стены и просто ждала, что скажет тот мужчина, сидящий за столом.

– Ты уверена, что ты действительно хочешь этого? – спро-

сил он, смотря на девушку.

– Да! – быстро ответила она. – И еще...

– Что?

– И еще у меня есть бар. Точнее, он не мой, но хозяева уехали, так что я теперь за главную... И тут один немец, офицер... В общем, я смогу обслуживать немцев, получая от них информацию.

Таня тут же поймала на себе два взгляда – дядин и того парня. Оба смотрели удивленно. Но почти сразу же взгляд дяди изменился, и Таня ясно прочла в его взгляде: «Не вздумай!».

– А что, – мужчина усмехнулся, – неплохая идея.

Он произнес еще несколько предложений, из которых Таня запомнила лишь то, что ее приняли. Почти приняли – оставалось лишь произнести клятву. Она не верила своим ушам.

Спустя час, когда в подвале появились еще несколько мужчин в форме и двое парней в штатском, Таня, стоя в самом центре, начала произносить клятву:

– Я, Татьяна Зими́на, вступая в ряды членов антифашистской подпольной организации перед лицом своих друзей по оружию, перед лицом родной многострадальной земли, перед лицом всего народа торжественно клянусь: беспрекословно выполнять любые задания организации; хранить в глубочайшей тайне все, что касается моей работы здесь. – Она на секунду замолчала, быстро оглядев всех,

вдохнула побольше воздуха и продолжила: — Я клянусь мстить беспощадно за сожженные, разоренные города и села, за кровь наших людей, за мученическую смерть героев-соотечественников. И если для этой мести потребуется моя жизнь, я отдам ее без минуты колебаний. Если же я нарушу эту священную клятву под пытками или из-за трусости, то пусть мое имя, мои родные будут навеки прокляты, а меня саму покарает суровая рука моих товарищей. Кровь за кровь, смерть за смерть!

Повисло молчание, как только она закончила свою речь. Сердце стучало в груди с такой силой, что Тане казалось, что оно вот-вот выбьет ей ребра. Колени подкашивались, руки дрожали.

Она была принята в антифашистскую подпольную организацию Югова. Окончательно и бесповоротно.

Глава 3

29 июля 1942 г.

Таня протираала сухим полотенцем стаканы, изредка поглядывая на улицу через окно. После того, как она была принята к Югову, дядя Миша сказал, что с ней свяжутся, как только будет подходящее для нее задание. А пока ей нужно было подготовиться. Они договорились, что никто из своих в бар не сунется – здесь скорее всего будут немцы, от которых Таня будет получать информацию. Ей же самой выдали удостоверение, что, мол, занимается в балетной студии кляйнис-театра у Инны Мир. Постоянно ходить на занятия ей туда не надо было – только лишь иногда приходить в сам театр и в гримерке ждать кого-нибудь от Югова, чтобы передать информацию.

Прошло пять дней с тех пор, как Таня встретила того немца. Каждый день, находясь в баре, она ждала его. Сама не знала, почему и зачем, но ждала. «Я знаю, что он – враг, но... – думала она. – Но все-таки как же он был не похож на всех остальных немцев. Хотя, может, мне всего лишь показалось. Может, он и есть самый обыкновенный немец. Может, они все такие... Но если они все такие – добрые и веселые, – то кто же убивает наших там, на фронте?»

Закончив со стаканами, Таня прошла в подсобку. Уже в третий раз, как будто что-то могло измениться, проверяла

запасы. Около ста литров пива и почти шестьдесят литров водки. Вина не было. Последний завоз был еще до оккупации. Сейчас же, когда продуктов почти не было, ей вряд ли кто-то завез спиртное.

Тут девушка услышала, как в зале звякнул колокольчик над дверью; послышались шаги. «Пришел!» – с радостью подумала Таня, бросаясь в зал и на ходу поправляя юбку. Но, почти выйдя из-за двери, она остановилась. Аккуратно выглянула, стараясь не выходить из тени.

Их было трое. Того блондина она узнала сразу, он стоял в центре. Два других осматривали помещение, тихо переговариваясь между собой.

– Поверьте, оно того стоит, – услышала она слова блондина.

Прочистив горло, он добавил уже более громким голосом: – Выходи, милая фройляйн! Я знаю, что ты тут.

Таня, вздохнув и сложив руки на груди, вышла. Остановилась у стойки и, склонив голову чуть набок, произнесла:

– Обещали же прийти завтра. А прошло пять дней.

– Ты ждала меня? – он подошел ближе и улыбнулся. – Это так мило... Ах да! Это мои друзья, – он кивнул головой в сторону тех двоих.

Двое парней, увидев Таню, чуть улыбнулись и слегка кивнули в знак приветствия. Таня быстро оглядела их. Один высокий, с темными, почти черными волосами и темно-синими глазами. У него были приятные и правильные черты лица.

Второй был молод, даже слишком. «Мальчишка, – решила девушка, смотря на него, – совсем ведь мальчишка». Светленький, с чуть выющимися волосами, с большими серо-голубыми глазами и обаятельной улыбкой. На вид ему было не больше семнадцати.

– Ну что же ты стоишь? – блондин уселся за барную стойку. – Принеси нам выпить.

Таня молча развернулась и, взяв с собой кружки, ушла в подсобку. Вернулась почти через минуту, поставив перед собой на стойку три полные почти до краев кружки с пивом.

– Так-то лучше, – усмехнулся блондин и рукой подозвал своих друзей. – Спасибо, красавица.

Таня, прислонившись к дверному косяку и сложив руки на груди, смотрела на немцев, которые, поглощая пиво, о чем-то тихо общались между собой и иногда смеялись.

«Не этой встречи я ждала, – думала девушка, оглядывая немцев. – Я ждала... Да чего уж таить – ждала этого блондина, но никак не его друзей. Хотя он говорил, что придет с другом... Тогда почему пришел не с одним, а с двумя?»

Тем временем двое друзей того блондина быстро выпили свое пиво и, оставив на стойке пару купюр и попрощавшись с блондином, вышли. Сам блондин все также оставался за стойкой. Таня устало взглянула на часы. «Почти восемь часов, пора домой, – подумала она. – Если не пойду сейчас, то не смогу просто так пройти мимо солдат. И как бы мне этого еще выводить?..»

– Ты куда-то торопишься? – спросил немец, отхлебывая из кружки.

– Домой, – Таня скрестила руки на груди.

– Хорошо, – он кивнул, одним глотком допил пиво и, посмотрев в лицо девушке, добавил: – Я тебя провожу.

– Нет, не стоит, – она покачала головой. – Вам лучше уйти.

Таня скрылась от него в служебном помещении. Открыв воду, поставила руки на мойку и тупо посмотрела на кружки, лежащие в мойке. «Что он делает? – думала она, смотря на кафель. – Что я делаю? Черт... Как же все это неправильно!»

Вымыв кружки и поставив их сушиться, Таня выглянула в зал – немец ушел, оставив на стойке деньги. Убрав их в кассу, девушка плотно задернула шторы и, прибрав в зале, пошла на выход.

«Отлично, – думала она, закрывая дверь черного хода, – теперь придется по темноте идти на Энгельса. Как бы на неприятности мне не нарваться...»

Поправив ремешок сумочки, висящий на плече, Таня быстро вышла со двора и энергично зашагала в сторону дома на Энгельса. Она и раньше не особо любила по ночам ходить по городу, а теперь уж тем более. Повсюду пьяные солдаты вермахта, которые так и норовят пристать к тебе...

– Куда же ты так торопишься? – раздался позади нее мужской голос. Таня хотела было ускорить шаг, но ее схватили за руку. – погоди. Я провожу тебя.

– Я в состоянии дойти самостоятельно, – произнесла Таня,

вырывая руку.

– Идем же, – блондин на секунду выпустил ее и сразу же подхватил ее под руку. – Вот теперь пойдем. Где ты живешь?

– На углу Энгельса и Кировского, – тихо ответила она.

Таня поняла, что ей не удастся избавиться от этого блондина. «Он же вроде ушел, – думала она, шагая рядом с немцем. – Я сама ведь видела. Значит, ждал меня где-то здесь. Черт!.. А если кто-то из моих знакомых меня сейчас увидит? Что будет!.. Надеюсь, мама сейчас дома. Уж ей-то точно этого видеть не следует. А если встречу дядю Мишу? Он поймет. Он-то ведь в курсе всего... Главное – не встретить никого из моих знакомых. Тут-то с объяснениями будет посложнее... Хоть бы все обошлось!»

– Это твой бар? – неожиданно спросил немец.

– Да, можно сказать и так, – настороженно ответила Таня.

– Тогда хочу тебе предложить кое-что.

Девушка напряглась. Какое у него может быть предложение к ней? Зачем ему было спрашивать про бар? «Нехорошо это, – думала она, с испугом смотря на немца, – нехорошо».

– Ну что ты так глядишь на меня? – тихо рассмеялся он. – Не бойся. Я всего лишь хотел заключить с тобой маленькую сделку.

– Я вас внимательно слушаю.

– Что ж, я сразу заметил, что твое заведение очень приятное. Да, оно определенно понравилось не только мне, но и моим друзьям. Поэтому хочу предложить: наш алкоголь –

твой бар. Устраивает?

– Не понимаю, – растерянно пробормотала она.

– У нас достаточно алкоголя, – начал объяснять ей блондин, – но нам негде его пить. Знаешь ли, отдыхать на квартирах не комильфо. А у тебя есть бар, но, я так думаю, с алкоголем есть проблемы. Поэтому я и хочу предложить такую сделку. – Он поймал ее взгляд на себе. – Хочешь спросить о цене? Все вырученные деньги будут делиться пополам. Тебя это устраивает?

Таня задумалась на пару секунд. «А ведь это то, – размышляла она, – что мне нужно. Если я соглашусь, то ко мне будут приходиться все больше и больше немцев. А больше немцев – больше информации. Что ж, ради этого можно и пойти на соглашение...»

– Согласна.

– Отлично! – немец довольно ухмыльнулся.

До дома оставалось меньше квартала. Девушка постоянно оглядывалась, боясь случайно увидеть кого-нибудь из своих знакомых. Немца это начало понемногу раздражать.

– Кого-то ждешь? – спросил он.

– Не то чтобы... – она пожала плечами.

– Тогда иди спокойно, – бросил он. А потом добавил, уже чуть мягче: – Я не причиню тебе вреда, не бойся. Ты же не боишься меня?

– Может, самую малость.

Блондин довольно усмехнулся. В этот момент они подо-

шли к арке.

– Ах да, это же здесь я увидел тебя впервые, – улыбнулся он, не останавливаясь.

– Мы пришли, – Таня хотела освободить руку, но блондин не давал сделать ей этого.

– Я до квартиры тебя провожу, – повел ее к подъезду. – Какой этаж?

– Пятый.

Пока они поднимались, блондин быстро оглядывал раскрытые двери квартир, откуда доносился пьяный смех. На четвертом этаже перед ними из одной из таких квартир выскочил солдат и, громко хохоча, побежал вниз. Немец лишь безразлично поморщился и, пропустив Таню вперед, продолжил подниматься вслед за ней.

Они остановились у двери квартиры, где теперь жила Таня. Ключи ей доставать не пришлось – дверь и без того была открыта настежь.

– Мы пришли, – Таня встала рядом с дверью. – Я пойду.

– Ты живешь здесь? – с легким недоумением спросил блондин. – С солдатами?

– Да. Они разрешили мне остаться.

Он нахмурился. Отодвинув девушку в сторону легким движением руки, немец прошел в квартиру. Галдящих солдат он сразу же нашел на кухне. Он быстро представился, но из-за создаваемого солдатами шума, Таня ничего не расслышала.

– Какого черта вы здесь делаете? – строго спросил он, поставив руки на стол.

Каждый начал громко отвечать, стараясь перебить другого. «И как он может понять хоть что-то?» – подумала Таня, останавливаясь в коридоре.

На секунду он повернул свое лицо вбок, так что девушке удалось увидеть его. Он был зол. Лицо напряжено, по скулам заиграли желваки. А глаза стали действительно похожими на два колючих кусочка прозрачного льда.

– Вы знаете, чей это дом? – блондин чуть повысил голос. Солдаты молча кивнули. – Тогда выметайтесь! Через десять минут я не хочу видеть здесь ни единой вашей вещи!

Солдаты мигом повыскакивали из-за стола и помчались в комнаты. Один из них, пробегая мимо удивленной девушки, нечаянно толкнул ее. Это не укрылось от взгляда блондина.

– А ну-ка постой! – он схватил его за шиворот и вернул на место. – Извинись перед девушкой за то, что толкнул ее.

– Но ведь она русская! – запротестовал тот.

– Ты не расслышал, что я сказал?

– Извини, – процедил сквозь зубы парень, стараясь не смотреть в сторону Тани.

– Проваливай, – блондин, подтолкнув его, отпустил. – И чтоб больше я не видел такого обращения с *этой* девушкой.

Похватав свои вещи, солдаты покинули квартиру, оставив здесь только Таню и блондина. Как только за ними закрылась дверь, тот устало выдохнул и, повернувшись лицом к девуш-

ке, произнес:

– Как же все-таки удобно, когда у тебя есть влиятельный братец.

Он снова стал самим собой – приятным немцем, которого Таня видела до этого. Снова его голос стал мягок, глаза стали вновь приветливо на нее смотреть.

– И кто же твой брат? – поинтересовалась Таня, проходя в гостиную и открывая окно.

– А ты не догадываешься еще?

– Нет.

– Криминальрат и штурмбаннфюрер СС Йоахим Ридель. Видишь, как удобно, когда ты чертовски внешне схож со своим старшим братом, у которого есть власть.

– Да уж, – уголки губ девушки дрогнули.

– Что ж, я, пожалуй, пойду, – он остановился рядом с дверью. – Больше не бойся этих солдат. Завтра тут их уже не будет. Никого. Этот дом был предназначен для офицеров СС. Так что ты будешь одна в этой квартире.

– Спасибо, – Таня оперлась о подоконник и сложила руки на груди.

– И все-таки, – блондин уперся плечом в дверной косяк, – мы даже ведь не знакомы. Как же тебя зовут, милая фройляйн?

– Таня, – тихо ответила девушка.

– Танья, – задумчиво, со своим дурацким акцентом проговорил блондин. Девушка, услышав это, тихо усмехнулась.

– А тебя?

– Макс. Макс Ридель.

– Ну что ж, – произнесла Таня, – Макс Ридель, еще увидимся.

– Обязательно, – кивнул он и, развернувшись, ушел.

Когда в коридоре за ним захлопнулась входная дверь, Таня наконец дала волю чувствам и рассмеялась. «Танья, – подумала она, – это же надо... Никогда меня еще так не называли. Хотя, чего я ждала от немца? Ох, Таня... И как ты умудрилась только связаться с ним? Кстати, кто он? Наверное, эсэсовец, как и его брат. Хотя, чего только не сделаешь, ради Юговцев. Интересно, как они отреагируют на это? Нет, не так. Как дядя Миша отреагирует на это? Хотя, им ведь всем должно быть плевать на это. Главное – информация».

Закрыв окно, Таня прошла в ту комнатку, которую выделили ей немцы. Да, теперь у нее была вся квартира, но для начала тут стоило прибраться – всего пару дней здесь были, а все уже грязное. Поэтому, оставив уборку на потом, девушка прошла в свою комнатку и сразу же прилегла на кровать. Она безумно устала, так что ей стоило отдохнуть. Ей безумно хотелось сразу же, как только она коснулась подушки, провалиться в сон, но ее отвлекали мысли о том блондине. «Макс Ридель, – раз за разом повторяла она про себя, – Макс... Кто же он? И почему я так привлекла его? Макс Ридель... А он не похож на остальных. Добрый, вежливый. Хотя чего я хочу от человека, который так прекрасно играл на фортепиано?»

Ридель...»

Мысли начали постепенно путаться, и поэтому Таня быстро провалилась в мир сновидений.

Глава 4

5 августа 1942 г.

Вытирая стаканы сухим полотенцем, Таня оглядывала бар. Ее план удался – бар был полон эсэсовцами и служащими вермахта высших чинов.

На следующий день, после того, как Макс проводил ее до дома, он приехал к ней в бар вместе с несколькими крепкими парнями. Оставив ей выпивку, он сказал, что не знает, сможет ли он эти несколько дней навещать ее, поэтому просит ее быть осторожнее.

После этого бар постепенно начал заполняться. Многих привел один из тех двух друзей Риделя – тот, мальчишка со светлыми еле заметными кудряшками. Тогда, увидев, что вся стойка и большая часть столов в зале заполнены, Таня поняла, что все идет по плану. Чем их больше – тем больше у ее шансов услышать нужную ей информацию.

Сейчас же бар был заполнен полностью. Немцы курили и играли в карты, потягивая пиво или коньяк, и всячески веселились. Кто-то из них даже притащил ей трофейный патефон «Ленинград» и крутил на нем пластинки с немецкими маршами. Таня, наблюдая за ними, лишь ухмылялась. «Ну, ничего, – думала она, убирая стаканы, – пусть делают, что хотят. Они-то ничего не знают. Пусть, пусть веселятся. Я подожду. Пока подожду».

Взяв в руки поднос с несколькими кружками пива, она вышла из-за стойки и пошла между рядами. Четверо эсэсовских офицеров, сидящих у окна, пару минут назад попросили добавки и сейчас, увидев ее с подносом, радостно засмеялись. Поставив им кружки на стол, она улыбнулась им и, держа поднос в одной руке, поспешила назад.

Уже пройдя половину зала, Таня замерла. За столиком возле стены в компании таких же офицеров-красавцев сидел Макс. «Нет, быть этого не может, – думала она, разглядывая его затылок. – Нет, это не он... Я ведь вижу его только со спины. Нет, не он!.. Наверное... Он же говорил, что его не будет. Хотя, – он на мгновение повернул лицо вбок и рассмеялся, – может, и он. Голос даже похож... Кто знает, правду ли он сказал. Может, проверка? Нет. Он это, однозначно. Что ж, стоит подойти».

Набрав в грудь побольше воздуха, девушка решительно двинулась в его сторону. Остановившись возле него, она положила ладонь ему на плечо и на выдохе произнесла:

– Привет.

– Ну, здравствуй, – он повернулся к ней лицом и приветливо улыбнулся.

Таня резко сдернула руку с его плеча. Это был не Макс. Молодой мужчина, с такими же светлыми волосами, аккуратно зачесанными назад, и голубыми глазами был невероятно похож на Макса. «Даже смех тот же, – пронеслось в мыслях у девушки, когда она осматривала мужчину. – Порази-

тельно».

Смех друзей этого блондина вывел Таню из оцепенения. Перехватив поднос поудобнее, она поспешила к стойке. «И как, – мысленно ругала она себя, – как я могла ошибиться? Нет, это просто невозможно... Такое сходство... Разве что этот чуть старше. Уму непостижимо...»

Весь день Таня провела за тем, что бегала с подносом от стойки до столов, разнося почти доверху полные кружки. Она даже начала подумывать над тем, чтобы найти какую-то девушку себе в помощницы – одна она тут явно не справлялась.

Но то, ради чего все это было устроено, Таня пока так и не получила – немцы, как назло, молчали. Точнее, они говорили о чем угодно, но не о своей работе.

– Эй, – Таню, задумавшуюся за стойкой, отвлек чей-то голос. – А есть что-то другое?

Молодой офицер СС, привлекая к себе внимание, потряс в воздухе кипой пластинок с немецкими маршами. Таня, которая все еще не до конца вырвалась из мира своих мыслей, пыталась понять, о чем он ее спросил. Наконец она произнесла:

– А что, эти надоели?

– Немного, – он пожал плечами.

– Я поищу.

Она устало оглядела бар. Почти девять часов, так что зал наполовину опустел. «Удивительно, – думала девушка, про-

тирая стойку, – обычно, они засиживаются допоздна, а сейчас... Странно».

Выпроводив последних мужчин из бара, она предупредила и просила передать остальным, что завтра бар работать не будет.

– Почему? – запротестовали немцы. – Как так?

– Ну-у, – протянула она, разводя руки в стороны, – вот так.

Завтра она решила устроить день уборки в баре. Сейчас было слишком поздно, и ей пришлось бы возвращаться домой под утро. А она хотела не только весь бар убрать, но еще и вымыть окна. Поэтому уборка была отложена на завтра.

Поднимаясь по лестнице в подъезде, Таня сдержанно улыбнулась офицеру СС, который, выходя из своей квартиры, поздоровался с ней. «Удивительно, – думала она, продолжая подниматься, – а ведь Ридель оказался прав. Солдат-то больше нет, одни эсэсовцы. И мне почему-то это только нравится. Ну, наверное, потому, что они себя нормально ведут. Хотя, я же вижу их в основном только вечером и, может быть, утром. Кто знает, что тут творится днем? Во всяком случае, я теперь не боюсь... Не боюсь, что меня могут затащить в какую-нибудь квартиру, или на меня не выпадет кто-нибудь пьяный».

Закрыв за собой дверь на ключ, Таня прошла в гостиную. Она не узнавала квартиры. За эти пару дней она привела ее в порядок, расставила мебель и поснимала все фотографии

Лизы и ее семьи со стен – чтобы вопросов никаких не возникло. И сразу же квартира как-то преобразилась. Таня, ходя из комнаты в комнату, чувствовала себя более чем когда-либо одинокой.

«Лиза, Лиза, – думала девушка, проходя на кухню, чтобы заварить себе чай, – и почему ты оставила меня? Одна ты у меня была подруга, да и тебя не стало... А теперь я прячу твои портреты. Не потому что мне больно тебя видеть, улыбающуюся, а потому что боюсь. Удивительно, что тогда солдаты не заметили их... Трудно без тебя, Лиза. Без твоей поддержки. Эх, как бы я хотела повернуть время вспять и не пустить тебя на тот поезд. Но куда уж мне...»

Когда чайник закипел, Таня, налив себе горячего чаю в чашку, прошла на балкон. Глотнув горячего чаю, она поставила чашку на подоконник и, упершись руками о парапет, выглянула вниз, во двор. Несколько мужчин в черной форме стояли возле машины и о чем-то громко беседовали. В соседнем крыле дома на всех этажах горели окна, в которых виднелись мужские силуэты. Один, стоявший у окна на шестом этаже, увидел девушку и помахал ей рукой. Таня, почему-то испугавшись его, кивнула ему и, схватив чашку, ушла в комнату.

Проснувшись рано утром, Таня наскоро позавтракала и, приведя себя в порядок, поспешила уйти из квартиры. Всю ночь ее мучали кошмары, несколько раз она просыпалась.

Выспаться толком не удалось.

Уже выйдя из арки, она поняла, что давно не заходила к маме. «Пожалуй, – думала она, поворачивая, – стоит зайти к ней. Не думаю, что она обрадуется, но... Зайду все-таки. Хотя бы просто узнать, что с ней все хорошо. Сказать ей о дяде Мише и Юговцах? Нет, не буду. Если сама скажет, что видела его, то скажу... Но не о моем вступлении. Этого ей знать не следует».

Завернув в свой родной двор и пройдя в подъезд, она нерешительно остановилась возле двери квартиры. Она была приоткрыта, в квартире – тишина. Таня замерла, приготовившись к самому худшему. Но тут она услышала, как на кухне тихо засвистел закипевший чайник – значит, кто-то там был. Аккуратно раскрыв дверь, она проникла в квартиру.

Маму она сразу же нашла на кухне. Она готовила завтрак. Увидев дочку, она несколько обрадовалась.

– От отца есть что-нибудь? – спросила девушка, улыбнувшись.

– Нет. Ни от него, ни от Коли.

– Как ты? – спросила Таня, присаживаясь за стол.

– Даже и не знаю, – женщина тяжело вздохнула. – Все плохо, Таня. Не знаю, что и делать...

– В чем дело?

– Я живу в твоей комнате вместе с соседкой и ее малолетними дочками. Немцы заняли наши квартиры. Чудо, что

разрешили хотя бы в одной комнате остаться... Других во дворы согнали, в сараи и дворницкие.

Сердце девушки дрогнуло. Она уже хотела было предложить переселиться к ней, но передумала. «Нет, – решила она, – она может помешать мне... Вся игра пойдет коту под хвост. Нельзя... Ведь может такое быть, что ко мне придет кто-нибудь... Да тот же Макс Ридель и придет, а там она. Нет, нельзя. Ридель... Точно! А ведь это хорошая идея. Во всяком случае, попробовать стоит».

– Ты останешься завтракать? – тихо спросила у нее мать.

Таня, взяв свою сумочку в руки, поднялась со своего места и, попрощавшись с ней, пообещав, что в скором времени все наладится, стала двигаться к выходу.

– Что ты! – она всплеснула руками. – Останься. Они еще спят. До девяти точно спать будут. Тебя никто не увидит. Танечка!.. – девушка остановилась у двери. – Ты сама-то как?

– Я в порядке, мам, – Таня попыталась улыбнуться, но у нее это не получилось. Взглянув на мать в последний раз, она вышла из квартиры.

Чтобы мама не успела нагнать ее, девушке пришлось ускорить шаг. Она слышала, как та кричала ей что-то вслед, но старалась не обращать на ее крики внимание.

Таня, так и не сбавив шаг, быстро добралась до бара. Только там, умывшись под холодной водой, она пришла в себя. «Что же это я, – думала она, стоя над раковиной, – с родной матерью так... А что мне еще делать? Все, о чем я ей хотела

бы рассказать – это дядя Миша с Юговцами и Ридель. Но нельзя, нельзя мне о них говорить ей. Пока...»

В зале она прибралась довольно-таки быстро. Подмела, помыла полы и протерла все столики. В помещении было очень жарко – август давал о себе знать жарой под сорок. Та не очень хотелось раскрыть дверь, чтобы в зал проник свежий воздух, но ей приходилось мучиться в духоте. Она знала, что если сейчас она раскроет ее, то сразу же набегут немцы, которых она вряд ли сможет выпроводить отсюда.

Когда же девушка дошла до мытья окон со стороны улицы, дело пошло быстрее. Вынеся стремянку и ведро с водой, она счастливо вздохнула, когда слабый ветерок обдал ее лицо. Подвязав волосы, Таня намочила тряпку и принялась за дело.

Работать было несколько скучно, да еще и солнце припекало, так что Таня сама не заметила, когда начала петь. Она слышала уже, что петь советские песни запрещено, но у нее выбора не было: других она не знала. А работать, не напевая что-то, она не могла.

Минут через десять мимо нее прошли несколько немцев. Один, отстав от своих друзей, остановился рядом со стремянкой и, глядя снизу вверх на Таню, спросил, не боится ли она петь по-русски. Сказав, что она не боится, она попросила не мешать ей и пригрозила, что если он сейчас же не уйдет, то она плеснет в него водой. Тот, рассмеявшись, ушел.

Когда же немец ушел, девушка продолжила протирать ок-

но так, чтобы не оставалось разводов. Она знала довольно-таки много разных песен, но почему-то все выветрились у нее из головы. Поэтому, приступив ко второму окну, после «Катюши» она начала «Сталин – наша слава боевая...» В тот момент ей казалось, что она ничего не боялась у же.

Вдруг сзади послышались шаги, и Таня замолчала.

– Что ты сейчас пела, девочка моя? – донесся мужской голос снизу. Тане показалась, что она его уже где-то слышала.

– Песню про Сталина, – ответила она, несмело поворачивая голову. Внизу стоял улыбающийся Макс и еще один мужчина. Таня вспомнила, что видела его в баре. Тогда она приняла его за Макса. – А что нельзя? Я и по-немецки могу спеть, не боюсь!

– Тогда спой, – попросил тот, второй, улыбаясь.

Таня, получив приободряющий кивок от Макса, снова начала ту же песню, но уже на немецком: «Дас либер дер Сталин дем алле фертрауен...»

Мужчина дослушал, похлопал в ладоши и сказал:

– У тебя прекрасный голос, девочка моя, пой всегда и везде.

Таня смущенно улыбнулась. Она уже догадалась, что это и есть тот самый брат Макса.

Хоть братья и были очень схожи внешне, но их все-таки многое отличало. Макс производил впечатление приятного молодого человека, как бы при этом он не старался сурово выглядеть. Он, как показалось Тане, так и излучал добро. Его

брат, Йоахим, производил совершенно обратное впечатление. Даже когда он улыбался, и, как видела девушка, искренне, он казался грубым и даже несколько злым. Даже взгляд у них, несмотря на одинаковый цвет глаз, был абсолютно разный. Макс всегда смотрел тепло, а вот Йоахим оправдывал свои колючие «льдинки» – он смотрел так, будто бы уже заранее все знал о тебе. И потому от такого взгляда хотелось скрыться куда-нибудь подальше.

Макс, тем временем, подошел к стремянке и, опершись на нее плечом, посмотрел на девушку. Второй, заложив руки за спину, оставался стоять на месте.

– Ну, здравствуй, – тихо произнес Ридель, склонив голову чуть вбок. Таня заметила, что за эти дни лицо у него чуть загорело. – Знакомься, это мой брат, Йоахим.

Таня взглянула на него, когда тот улыбнулся ей и сказал брату, что они, кажется, уже знакомы. «Точно, – подумала Таня, – а я... Теперь понятно, почему я приняла его за Макса. Они же так похожи».

– Знакомы? – удивленно переспросил Макс. – Что ж!..

– Макс, – прервал его брат, – мне пора.

– Что? – он резко обернулся, чуть пошатнув стремянку. Почувствовав это, он взял ее крепче. – Как?

– Ты же знаешь, что меня ждет работа. – Он посмотрел на Таню. – До свидания, милая Таня.

– До свидания, – произнесла девушка, чувствуя, что улыбается. Ее несколько умиляло то, что оба брата не могут из-

за акцента произнести нормально ее имя.

Догнав уходящего брата, Макс еще несколько минут о чем-то говорил с ним. Таня же, стараясь не привлекать к себе особого внимания, продолжила мыть окно, при этом пытаясь услышать то, о чем они говорят. Но они стояли слишком далеко и говорили довольно-таки тихо.

Скоро Макс, попрощавшись с братом, вернулся.

– Ты скоро закончишь? – спросил он, подойдя к девушке.

– Не знаю, – она пожалала плечами. – Может, еще минут двадцать-тридцать. А что?

– Я отлучусь на пару минут, – парень не ответил на ее вопрос и, развернувшись, быстро зашагал туда, куда ушел Йоахим.

С окном Таня закончила намного быстрее, чем пообещала Максу. Унеся стремянку в подсобку и вымыв ведро и тряпку, она быстро закрыла бар и уже хотела уйти домой, как вспомнила, что ушедший Макс обещал вернуться. «Но ведь он не сказал, когда, – думала девушка, остановившись у двери. – И как долго мне придется его ждать? Нет, мне нужно идти. Не хочу, чтобы стемнело до того, как я попаду домой... Надеюсь, он не обидится».

Завернув за угол, Таня столкнулась с кем-то. Чтобы не дать ей упасть, ее подхватили чьи-то крепкие руки.

– Будь осторожнее, – услышала она приятный шепот Макса.

Он рывком поставил ее на ноги и сразу же вручил ей бу-

кет.

– Что?.. – произнесла Таня, изумленно смотря на цветы. – Но зачем? Нет, мне, конечно, приятно... Спасибо! Но, правда, не стоило...

Блондин, лишь улыбнувшись, подхватил ее под руку и повел за собой. Пройдя пару метров вперед, он остановился возле машины и, раскрыв дверь, пригласил Таню.

– Садись, – он кивнул в сторону машины.

– Зачем? – спросила Таня, чуть сильнее, чем надо, сжав букет в руке.

– Прокатимся, – Макс отошел от машины и слегка подтолкнул девушку к ней. – Водителя я отпустил, так что мы сами прокатимся. Садись же, не бойся.

Взглянув в его глаза, она решила довериться ему. «Может, – думала она, усаживаясь рядом с водительским местом и укладывая цветы на колени, – и зря я боюсь. А, может, и не зря. Кто знает, что руководит этим человеком: долг или чувства?»

– Я только кое-какие документы завезу, – произнес парень, заводя машину. – Это быстро.

Свернув, они выехали на Буденовский и поехали вверх по улице. Таня начала догадываться, куда они едут, но старалась отогнать от себя эту мысль. «Мало ли, – смотря на преобразившийся город, размышляла она, – куда ему надо. Может, совсем не туда, куда я думаю. Нет, наверняка не туда. Да и зачем бы ему ехать... туда?»

Через пару минут машина остановилась напротив именно того самого здания. Под самой крышей слабо виднелись большие буквы «Гостиница». Слова «Ростов» почти не было видно. Зато над самым входом зияла огромная черная надпись «Солдатенхауз».

Таня похолодела, чувствуя, как страх накатывает на нее. Именно этого она и боялась.

Макс, запустив руку на заднее сиденье, пошарил там, вытащив толстую папку с бумагами, попросил Таню подождать его несколько минут и ушел. Девушка облегченно выдохнула. «Зря, зря я испугалась, – думала она, смотря на гостиницу. – И почему я сразу же подумала об этом здании? Казино... Наверное, ему просто надо отнести бумаги своему другу, которого он не застал в рабочее время... Будет забавно, если бумаги на меня. Хотя, почему же сразу я? Он ничего еще знать обо мне не может, я ведь только вступила... Эх, времена какие. Доверяй, но проверяй».

Когда же Макс вернулся, то девушка попросила его отвезти ее на один адрес.

– Зачем тебе туда? – спросил он, глядя на нее.

– Мне, правда, нужно.

– Зачем? – повторил он. – Пожалуйста, будь со мной откровенна, и тогда я, может быть, смогу помочь тебе.

– Я хотела попросить тебя об одной услуге... Не знаю, как и сказать. Отвези и ты увидишь все сам.

– Это как-то связано с твоей семьей?

– Да.

Он молча кивнул, заводя машину.

Когда они остановились рядом с двором, где раньше жила Таня, то оба почти сразу же вышли. Она заметила, что некоторые их соседи, которых она знала, следят за ними со двора, сидя на лавке под деревом. «Разговоры пойдут, – промелькнуло тут же в ее голове. – Ну и пускай. Плевать!».

Проведя Макса в подъезд и остановившись возле входной двери, она вкратце обрисовала ему сложившуюся ситуацию. Тот, выслушав ее, согласился помочь. Заранее поблагодарив его, она провела его в свою бывшую квартиру.

Ридель сразу же пошел в комнаты, а Таня, решив не мешать ему, прошла на кухню. Маму она нашла там. Та заполняла какие-то бумаги со своей работы.

– Ты что тут делаешь? – удивленно просила женщина, увидев дочь в дверях.

– Мам, все в порядке, – улыбнулась она. – Я буквально на минутку.

– Нет, я ничего не понимаю, – поднялась из-за стола. – Утром пришла, посидела пару минут и убежала. Сейчас пришла тоже... Таня, что произошло? Что-то случилось?

– Я же говорю, мам, – девушке пришлось на пару секунд прерваться из-за громкого голоса Риделя, – все хорошо.

– Что там происходит? – женщина хотела пройти в комнаты, отодвинув дочку в сторону, но та не дала ей пройти. – Таня! Дай же пройти. Не слышишь разве?

– Мам, постой, – расставив руки в стороны и упершись в дверной косяк, она преградила ей путь к комнатам. – Не ходи туда... пока.

– Что? Таня, ты в своем уме? Уйди!

– Мам, да послушай же меня! Там все... – из комнат слышались недовольные голоса, возня. Через пару секунд мимо кухни стали проходить солдаты, сверлящие взглядом мать с дочкой, – в порядке.

– Что? – женщина сделала шаг назад. – Таня, что происходит? Ты... Ты ведь в курсе происходящего, так?

– Мам, поверь мне... Да, я в курсе. И, пожалуйста, давай не сейчас будем это выяснять. Все уйдут, и я расскажу тебе.

Топот множества ног наконец стих. Таня, вздохнув, убрала руки и хотела было предложить матери присесть, чтобы рассказать все, как в кухне появился Макс.

– Я закончил, – кивнул он ей и сразу же увидел ее маму. – Здравствуйте.

Женщина испуганно отошла к столу, вцепившись в его край рукой. Таня, поняв, что Ридель зря сюда зашел и ему стоило подождать ее на площадке, попросила его подождать ее снаружи. Он уже развернулся и двинулся к двери, как оттуда показались соседи, сгорающие от любопытства. Их не остановило даже то, что перед ними стоит немец в форме – они зашли в коридор и заглянули в кухню.

– Наталья Ивановна, а что это у вас происходит? – спросила одна из соседок, Светлана, обращаясь к маме Тани.

Это была та самая, что теперь жила вместе с ней и своими детьми. – Сначала ваша дочка... А, вот и ты. Ну, здравствуй... Что, какво матери смотреть теперь в глаза, а?

Застывшая у стола мама Тани ошарашенно переводила взгляд то на соседку, то на дочку. В ее голове просто не укладывалось то, что произошло за эти последние пару минут.

– Таня, – прошептала она, присаживаясь на стул.

– Мам, не верь, – произнесла девушка. И, повысив голос, добавила, обращаясь к соседям: – А вы зачем зашли? Кто вас вообще пустил...

– Но-но! – прикрикнула уже другая соседка. – Ты на взрослых голос-то не повышай! А то, ишь, на машинах каких разъезжает!

– Да замолчите вы! – Таня бросилась к маме и, присев перед ней, взяла ее за руки. – Мама, не слушай! Ты теперь снова живешь в своей квартире. Не в одной моей комнате, а во всей квартире. Ты снова хозяйка своего дома, мама! Ты вольна распоряжаться своими комнатами как захочешь. Можешь даже... выселить эту Светлану!

– Что?! – возмущенно вскрикнула та. – Да как ты смеешь! – она подбежала к столу и, усевшись рядом с Натальей Ивановной, продолжила свою речь. – А вот вы знаете, что ваша дочка с каким-то немцем только что на машине приехала, а? Еще и сюда эту сволочь притащила. Что возле матери вьешься? Прощение вымаливаешь? Да я б, на месте твоей матери, выпорола бы тебя так, что!.. Нет, ну это же надо,

а? В такое-то время... У всех война, а у этой любовь. И с кем! Фашист, прости Господи! Самый настоящий! Да как ты вообще...

– Замолчите! – закричала Таня, поднимаясь на ноги. – Мало того, что вас пустили жить в чужую квартиру задаром, так вы еще и... Да что ж вы за человек!

– Нет, ну вы посмотрите! – доносилось со стороны входа. Каждый из соседей хотел внести свою лепту в разговор. – Она еще и кричит. Да вообще тебе прощенья нету!..

Тут Наталья Ивановна молча встала. Сделав шаг вперед, она с размаху ответила тяжелую пощечину Тане. Та, прикрыв горящую щеку ладонью, с испугом смотрела на маму.

– Уйди, уйди прочь, – шептала та. Таня знала, что этот ее шепот не предвещал ничего хорошего. И вправду – через пару секунд она перешла на крик: – Да чтоб моя дочь... Эх, жаль, отец на фронте. Он бы тебе показал!..

– Мама! – пролепетала девушка, чувствуя, что вот-вот расплачется.

– Вон! Вон с квартиры! – кричала женщина, подталкивая ее к двери. – Сейчас же.

Таня остановилась в прихожей у входной двери, надеясь, что мама смилуется, и они спокойно поговорят без лишних ушей. Но та продолжала кричать на нее, подначиваемая одобряющими восклицаниями соседей, которые выглядывали из кухни, не решаясь подойти ближе.

– Пошла прочь, – она распахнула перед ней дверь. – Ви-

деть тебя больше не хочу! Ты мне не дочь больше!

Таню словно из ведра холодной водой окатили. Она уставилась на мать, пытаясь понять, показалось ей это или нет. Но нет, слова были произнесены.

– Прощай же, – тяжело вздохнув, девушка медленно вышла из квартиры. Из-за неприкрытой двери еще долго слышались возмущенные крики ее мамы и возгласы соседей, которые одобряли ее поступок и говорили, что можно было еще и похлеще.

Быстро спустившись во двор, Таня зашагала к машине, у которой ее уже ждал Макс, которому удалось проскользнуть мимо ее бывших соседей. Рядом с машиной уже крутились мальчишки, интересующиеся ею, но, завидев Таню, они быстро ретировались.

– Домой, – сказала Таня, сев на свое место. – И как можно скорее.

– У вас там все серьезно? – тихо спросил Макс, когда они отъезжали от двора. До этого он не решался заговорить с девушкой, видя ее состояние.

– Даже слишком, – она невидяще смотрела в какую-то одну точку на дороге. – Она сказала, что я ей больше не дочь.

– Прости, – после недолгого молчания произнес парень. – Мне не стоило заходить.

– Нет, тут не ты виноват. Это все соседи. Если бы они не зашли в квартиру и не начали подначивать ее, то все было бы нормально. Мы бы просто поговорили... Ладно, что уж.

Будь, что будет.

– Я думаю, что тебе стоит поговорить с ней позже. Может, через неделю или две. Поверь, она простит тебя.

– Ты не знаешь истории моих отношений с мамой. Раньше все было хорошо, но с началом войны, как забрали отца, она стала сама не своя.

Машина, проехав арку, остановилась во дворе. Таня вышла и, поблагодарив Макса за все, направилась к двери подъезда.

– Постой! – раздалось позади нее. Через пару секунд к ней подбежал парень. – Я провожу тебя.

Пустив Макса в квартиру, Таня прошла на кухню. Остановившись у шкафа, она попыталась вспомнить, зачем ей сюда надо было.

– Цветы! – вздохнула она, когда она, увидев вазу, наконец вспомнила о забытом.

– Что? – в коридоре показался Ридель.

– Я забыла цветы в машине, – Таня слабо улыбнулась.

– Я схожу за ними, – Макс сразу же направился к двери.

– Спасибо, – произнесла Таня и спустя пару секунд добавила: – А я как раз чай заварю.

Закрыв за ним входную дверь, но оставив ее незапертой, девушка вернулась на кухню. Чайник закипел быстро. Разлив чай по чашкам, которые стояли на подносе, она прошла в гостиную. Опустив поднос на чайник столик, она услышала, как захлопнулась дверь – вернулся Макс.

Еще раз поблагодарив его, Таня отправила его в гостиную, а сама ушла на кухню ставить цветы в вазу. Вернувшись в гостиную, поставила их на подоконник и присела рядом с Максом.

– Это тебе, – он кивнул на столик. – Думаю, тебе он сегодня больше нужен, чем мне.

– Ты серьезно? – шепотом спросила она, глядя на плитку шоколада.

– Да, – он пожал плечами и отхлебнул из чашки. – Нам выдают.

– Никогда бы не подумала, что у вас там выдают шоколад...

– А у нас там – это где? – усмехнувшись, спросил Макс.

– В СС.

– Что? – парень тихо рассмеялся. – Нет, я не служу в СС. Брат – да, но не я.

– А где же тогда?

– Люфтваффе. Я пилот. Моей страстью всегда было небо. Ну, не всегда. Когда-то я не мыслил свою жизнь без музыки. Это у меня от мамы. Она консерваторию закончила и хотела, чтобы я тоже стал музыкантом. Но отец сказал, что ни за что не допустит, чтоб его сын ушел в музыку. Он хотел, чтобы я был похож на своего брата. Он хотел, чтобы я пошел по его стопам, в Вермахт, или стал как брат, но я вовсе не хотел этого. Ну и потом меня отправили в Люфтваффе в качестве кандидата, где мне пришлось пройти курс базовой военной

подготовки. Потом переведен в школу воздушного боя, после окончания которой был направлен в 52-ю истребительную эскадру на советско-германском фронте.

– Значит, – спросила Таня, когда он закончил, – эта тяга к музыке у тебя от матери?

– Да, – Макс кивнул. – Ты мне вот что лучше скажи... У тебя есть еще родственники?

– Брат, – ответила она. О дяде Мише она решила умолчать. Но и всей правды о брате, который ушел к партизанам, она тоже выдавать не стала. – Он на фронте сейчас.

Спустя почти час Макс ушел. Напоследок он пообещал Тане, что все будет в порядке, и мать ее простит.

Таня еще долго стояла у подоконника, глядя на розовые приятно пахнущие цветы. Она мысленно разбирала по частям все, что произошло за этот день. «Все будет в порядке, – думала она, глядя на бледные лепестки, – ему легко говорить... Даже не представляю, как потом оправдываться буду перед ней. Оно-то понятно, что я сделала это ради ее блага, но как я объясню ей это? Надеюсь, дядя Миша поймет меня. Главное, ведь, – это то, на что мы пошли. Остальное может подождать. Наверное... Надеюсь, что все образуется со временем. Когда-нибудь, надеюсь, очень скоро все снова будет по-прежнему. Я очень надеюсь».

Глава 5

9 августа 1942 г.

После того, что случилось в доме ее мамы, Таню сторонились. Часто кричали ей неприятные слова вслед, называя «Немецкой подстилкой». Ей страшно было ходить по улицам одной – боялась, что могут просто забить.

Но Таня понимала, что все должно идти так, как есть. Пусть, пусть думают, что предала, что переметнулась. Пусть думают, что хотят. Ведь главное – держать сейчас то, что она с Юговцами, в тайне. Ведь если все будут знать, что все это она устроила ради них, то ничего не выйдет.

Проведя ладонью по юбке, она почувствовала в ее кармане скомканную бумажку – записку от своих. Утром нашла ее возле двери. Это было безопасно – всего-то лишь Мир просила прийти ее в студию сегодня вечером. Если бы нашел кто-то чужой, то ничего бы не заподозрил. Только она знает, что в примерке ее будет ждать кто-то из своих.

Таня оглядела бар. Немцы веселились. Кто-то притащил им пластинки с французскими песнями, которые теперь почти постоянно крутили. Таня лишь удивлялась, где они смогли достать их.

Взгляд девушки остановился на одиноко стоящем фортепиано. Давно она не видела Макса. Йоахим заходил позавчера, но ненадолго – узнал лишь, как у нее обстоят дела, и,

ссылаясь на сильную занятость и завал на работе, ушел. Но Таня не возражала – ей немного неуютно было с ним говорить. Все-таки он из гестапо...

– Еще пива на столик у окна, – произнесла рыжая девушка, подбежав к стойке.

Это Зоя. Таня, поняв, что сама никак не справится с таким количеством посетителей, наняла ее к себе в помощницы. Зоя подходила ей – чуть ли не с самого взятия Ростова она увивалась за немцами, которым нравились ее рыжие кудряшки.

Налив пива в кружки, Таня передала ей поднос, и та, повиливая бедрами и громко смеясь, пошла между столов.

Когда все наконец покинули бар, Таня, собравшись, поспешила к кляйнис-театру. Ей еще до комендантского часа нужно было успеть зайти туда.

Поздоровавшись с Инной, Таня поспешила наверх, в примерные. Примерных было пять: три женские, две мужские. Оглядываясь в коридоре, она пыталась понять, в какой ее ждут. Через пару секунд из дальней мужской раздался характерный кашель. Таня поспешила туда.

– Дядя Миша?! – воскликнула она, увидев мужчину, стоящего у окна. Опомнившись, зашептала: – Что?.. Что вы тут делаете?

– Сядь, – он кивнул ей на стул возле зеркала. Таня, поправив юбку, присела на край, неотрывно глядя на дядю. – Серьезный разговор будет.

– Почему вы пришли? Где кто-нибудь другой?..

– Да замолчи ты! – прикрикнул он на нее. – Что это было?

– Где?

– У матери! Где!.. Что ты там устроила?!

– Дядь Миш, – попыталась вставить она, но ее перебили.

– Что, дядь Миш? – он хотел повысить голос, но знал, что это делать нельзя, поэтому приходилось «шуметь» шепотом. – Почему до меня доходит слух, что моя племянница вьется с каким-то немцем? Нет, Тань, я все понимаю, но...

– Дядь Миш, – вздохнула девушка, – все в порядке. Возможно, я объясню все?

– Попробуй, – он устроился на подоконнике и приготовился слушать.

– Я просто попросила его, чтобы он помог очистить квартиру...

– Он – это твой немец?

– Да, – кивнула, – но он не мой.

Мужчина ухмыльнулся, но жестом разрешил ей продолжить.

– У него есть брат, он из гестапо, – она не заметила, как начала нервно мять край юбки на колене. – Они очень похожи, и он этим пользуется... В общем, я попросила, чтобы он выдал себя за брата снова и приказал тем солдатам убраться из квартиры. И все бы получилось, если бы не эта... Светлана. Она влезла и все испортила. Начала рассказывать маме невесть о чем, что я, мол, разъезжаю на машинах дорогих...

– А Светлана – это соседка та?

– Она самая. – Таня перевела дух, продолжила. – А тут еще Макс зашел после всего. И остальные соседи начали подначивать... Ну и итог – не дочь я ей больше.

– Ну, Танька, наделала ты делов, – мужчина закурил. – Я бы поговорил с ней, да нельзя – ты же сама понимаешь. Но потом, когда все образуется, обещаю, простит она тебя.

– Надеюсь...

– Так, погоди, ты сказала «снова». Он уже выдавал себя за своего брата?

– Да, – отведя взгляд в сторону, ответила Таня. – Помните, я же теперь живу в квартире подруги, – голос дрогнул, – на Энгельса? Там тоже были солдаты. А он выгнал их с квартиры. Потом сказал, что этот дом предназначался для офицеров СС, но квартира полностью моя.

– А-а-а, – протянул он, – вон оно как. И ничего не потребовал за это?

– Дядя Миша! – возмущенно шикнула она.

– Да я только проверить, Тань! – отмахнулся мужчина от нее, оставив в воздухе след дыма от самокрутки. – А то мне, если что, твоя мать потом открутит голову.

– Не открутит, – заверила она его.

– Так, а кто этот твой герой? Один в гестапо, а этот?

– Он летчик, – после недолгого молчания ответила девушка. Ей не хотелось рассказывать про Макса все, что она знала. – Дядь Миш?

– Что тебе? – задумчиво кивнул тот, смотря куда-то сквозь девушку.

– Пообещайте, что с ним будет все в порядке.

– Что-о-о? – он посмотрел на нее. Кустистые брови сдвинулись на переносице – недобрый знак.

– Просто мы с ним заключили сделку – он поставляет алкоголь в бар, – увильнув от правильного ответа, пояснила Таня. Она знала, что это лишь часть правды. – Если с ним что-то случится, то я разорюсь. А нет бара – нет информации.

– Ладно, – дядя Миша почесал колючий подбородок, – все с ним будет в порядке. Только учти – если закрутишь с ним, то я вперед твоей мамки голову тебе отвинчу. Поняла меня, Танька?

– Поняла, – как можно убедительнее кивнула она.

Они посидели пару минут молча. Михаил Иванович, внимательно разглядывая выпускаемый дым, о чем-то думал. Таня, разглаживая ладонью юбку на коленях, ждала, когда он еще что-то скажет ей.

– Так, а что там с баром? – наконец спросил он.

– Все хорошо. Почти каждый день бар забит полностью.

– И?

– Пока что ничего. Дайте еще время. За неделю я, естественно, ничего не смогла узнать – они еще не привыкли. Пока из тех, из кого можно вытащить какую-то информацию, я видела только солдат, но ведь они не располагают ничем. Так что остается только ждать.

– Ладно, – потушив окурок об подоконник, произнес мужчина, – иди. Не дай бог после комендантского часа попадешься...

Таня, попрощавшись с ним, поспешила на выход. До комендантского часа оставалось минут двадцать, так что она, возможно, и не успела бы добраться до дома. «Нужно идти как можно быстрее, – мысленно подгоняла она себя. – Аушвайса ведь еще нет. Так что нужно поторапливаться».

Она вышла на освещенный Энгельса и, прибавив шагу, направилась домой. Поправив ремень сумочки на плече, мельком взглянула на часы на руке – оставалось пару минут, а до дома было еще несколько кварталов.

– Эй! – кто-то окликнул ее сзади. Не останавливаясь, Таня обернулась – это был Макс. – Постой!

Пришлось остановиться. «И что ему надо? – подумала девушка, еще раз быстро взглянув на часы. – Кому-то ведь домой надо...»

– Я провожу, – он, нагнав ее, стал идти рядом. Сегодня она во второй раз видела его в форме – первый был, когда она впервые увидела его в машине.

– Но ведь комендантский час...

– Не бойся, со мной пропустят.

Только они прошли этот квартал, как встретились на переходе с женщиной, недобро глядевшей на Таню. Та узнала ее – одна из соседок мамы.

Проходя мимо нее, та что-то недовольно сказала вслед Тане, отчего она непроизвольно вздрогнула и сжала губы. Слова били плетью по самому больному. «Держись, – мысленно говорила девушка себе, – ты должна держаться. Не поддавайся на это. Она только этого и добивается».

– Что она сказала? – спросил Макс, оборачиваясь. Женщина уже успела скрыться в каком-то проулке.

– Тебе лучше не знать, – попыталась улыбнуться она.

Девушка заметила, что когда она ходила одна, то бабы смело нападали на нее, издеваясь. А сейчас она, видя, что Таня не одна, а с этим «немцем своим проклятым», лезть к ней не спешила и боязно кричала с расстояния. Таня поняла, что ей это на руку – они боятся немцев, как огня.

– Это из-за меня? – Таня не ответила. – Если это мешает тебе, то я могу... не приходиться.

– Что ты, – вздохнула девушка. – Я уже привыкла.

– Может, я поговорю с ними? Или Йоахима попросить? Он теперь тут власть.

– Только не это! – воскликнула испуганно она. – Не надо. Пусть все будет так. Когда-нибудь они перестанут – им надоест.

– Уверена? Если что – всегда готов помочь.

Они подходили к ее дому. В квартале от дома, они натолкнулись на вышедший патруль. Солдаты, патрулирующие улицу, проверив документы Макса, о чем-то тихо поговорили с ним и, пожелав ему приятного вечера, пропустили.

– У тебя есть аушвайс? – спросил парень, когда они отошли от солдат.

– Еще нет. А он точно обязательно нужен?

– Если хочешь беспрепятственно ходить по всему городу, то да.

Они прошли арку. Таня, быстро оглядев все освещенные окна, тихо произнесла:

– Зайдешь?

– Приглашаешь?

– Да, – она пожала плечами. – Или ты не можешь? Если что, то я не настаиваю...

– Нет-нет, – он пропустил ее вперед.

На лестнице они столкнулись с одним из офицеров. Тот, закуривая, прошел мимо них, поздоровавшись с Максом. Тане же он приветливо махнул рукой.

– Ты одна? – спросил парень, когда они зашли в квартиру.

– Как видишь, – оставив сумку на комод, с улыбкой ответила девушка.

– Извини, я не так выразился. Иногда мне сложно выразить свои мысли... Ты живешь одна?

– Ты хочешь спросить, есть ли у меня кто-нибудь? – она остановилась в проходе и лукаво взглянула на него. Он кивнул. – Был жених.

– Он на фронте?

– Нет, – она попыталась сдержать дрожь в голосе. – Его расстреляли при первой оккупации, – и скрылась от даль-

нейших расспросов на кухне.

Таня, быстро заварив чай, принесла чашки в гостиную. Макс, положив свою фуражку на столик рядом с телефоном возле зеркала, уже ждал ее.

– Ты спросил у меня, – усаживаясь на край дивана, произнесла Таня, – есть ли у меня кто-нибудь. Могу ли я задать тебе тот же вопрос?

– Ты можешь спрашивать у меня о чем угодно, – Макс подвинул к себе чашку с блюдцем. – У меня была невеста. Я уже и не помню, как ее звали...

– Так любил? – усмехнулась Таня.

– Нет, я ее вообще не любил. – Встретился с непонимающим взглядом девушки. – Родители навязывали мне этот брак. Он был выгоден им, но не мне. К счастью, она сбежала с каким-то офицером СС, за что я ей премного благодарен.

Они молчали пару минут. Разговор вообще не шел. Таня уже начала жалеть, что пригласила его.

– Ты всегда так поздно возвращаешься из бара? – прервав затянувшееся молчание, произнес Макс, отставляя чашку.

– Ну да, – Таня посмотрела на него. – Хотя, тут уж как получится. Если успею всех выпроводить, то успеваю дойти до дома до наступления комендантского часа. Если нет, то... стараюсь не попасться на глаза патрульным.

– Смело, – усмехнулся он. – Нет аушвайса, а по улицам ходишь в неположенное время.

– Приходится, – девушка пожала плечами.

– Хочешь, тебя будут подвозить? Я могу попросить Йоахима...

– Ты всегда пользуешься статусом брата?

– Только когда это действительно необходимо.

– Ты ведь и так много сделал для меня.

– А для тебя мне ничего не жалко.

У Тани сердце пропустило удар. Она тихо выдохнула, смотря в ясные глаза улыбающегося Макса. Она не верила в реальность слов, которые он сказал. «Неужели он это искренне? – думала она, пытаясь найти в его глазах хоть малейший намек на ложь. – Черт, как же я привыкла к обману, что везде ищу его. Почему я не могу поверить в то, что кто-то относится с добром ко мне?»

Таня не знала, что ответить ему. Правильные слова не шли на ум. Она чувствовала, что теряется, смотря в эти голубые глаза парня. Чувствовала, что мысли путаются, мешая ей сосредоточиться.

Вдруг их прервал неожиданный, но настойчивый стук в дверь.

– Кого-то ждешь? – поинтересовался Макс, кивнув в сторону коридора.

– Нет, – она встала и, поправив юбку, пошла открывать. Услышала шаги позади себя – Макс шел за ней.

Быстро справившись с замком, Таня открыла дверь. На пороге стоял молодой парнишка в форме, очень похожей на форму Макса, и нетерпеливо заглядывал внутрь квартиры.

– Ober-лейтенант Ридель здесь? – спросил он.

– Здесь, – Макс прошел вперед, загородив собой замерзшую Таню.

– Срочно вызывают в штаб, – отрапортовал парнишка, перед этим вскинув руку в партийном приветствии. – Генерал-майор просит вас срочно явиться для выполнения задания.

– Хорошо, я сейчас спущусь.

– Машина ждет вас у арки.

– Иди.

Макс, прикрыв дверь, повернулся лицом к девушке. Та выглядела несколько испуганно, стоя в шаге от него.

– Прости, нужно идти, – он развел руками.

– Ночь на дворе ведь, – произнесла Таня.

– Так я из эскадры ночных истребителей, – его губы чуть тронула улыбка. – Прости, что так получилось.

Таня видела, что он хотел протянуть к ней руку, но почти сразу же опустил ее и, изменившись в лице, поспешил уйти. Кинувшись к двери, девушка выскочила на площадку и взглядом стала искать лестничный пролет, на котором сейчас был Макс. Наконец, найдя его, она крикнула:

– Удачи тебе, Макс!

Тот крикнул ей что-то в ответ, но слова слились в один звук, так что Таня ничего не смогла разобрать. Вздохнув, она отошла от перил и вернулась в квартиру.

В гостиной она заметила фуражку Макса на столике. Взя-

ла ее в руки, покрутила, рассматривая. Нечаянно краем глаза заметила свое отражение в зеркале и внимательно взглянула на себя, перевела взгляд на фуражку, которую все еще держала. И, не удержавшись, надела ее на себя. Увидев себя в фуражке летчика Люфтваффе, рассмеялась, сама не зная отчего.

«А ведь стоит отдать, – подумала она, кладя фуражку на место. – Кто знает, когда он вспомнит о ней?.. Хотя, тут скорее будет правильным вопрос: когда он вернется за ней? Ведь он любит пропадать на несколько дней».

Уже ложась спать, Таня решила, что завтра же отнесет ему фуражку. Узнать, где находится их аэродром ей не составит труда – в этом доме ее уже все знают, сможет спросить здесь. Если не скажут – пойдет к Йоахиму, тот уж точно скажет ей. Трудности возникнут тогда, когда она попытается пройти на сам аэродром. «Все кажется таким легким, – думала Таня, смотря в белеющий в темноте потолок. – А на деле хватит ли у меня смелости сделать все это?»

Глава 6

10 августа 1942 г.

Таня нерешительно остановилась недалеко от пропускного пункта. Отсюда ей видны были трое солдат, стоящие там, и овчарка, сидящая на поводке у ног одного из них. Особенно хорошо она видела винтовки, которые были у них.

Утром она узнала у офицера из соседней квартиры, где находится аэродром. Он сразу же ответил ей, но потом, видимо, опомнившись, поинтересовался, зачем ей это нужно. Таня, не лукавя, ответила и для подтверждения своих слов показала фуражку, которую держала в руках. Тот лишь усмехнулся в ответ.

Закрывая бар, она была уверена, что у нее все получится. Все казалось таким простым и легким – просто принесла, отдала и ушла. На деле же все оказалось совсем не так.

У нее не было аушвайса. Это, конечно же, затрудняло проход через пункт. Да и ее, русскую, вряд ли пропустили бы под любым предлогом – арестовали бы сразу же.

Покрутив фуражку в руках, Таня еще раз взглянула на солдат, размышляя. Она перебрала уже все варианты, что можно было бы сказать им, но все было каким-то неправдоподобным. А сказать правду тоже было бы глупо – они бы просто посмеялись и прогнали ее. «Что ж, – думала она, – что я буду зря тут стоять? Темнеет уже... Пойду домой. Сам

зайдет и заберет свою фуражку».

– Здравствуй, – услышала Таня откуда-то сбоку.

Она резко обернулась. Рядом с ней стоял, дружелюбно улыбаясь, тот самый друг Риделя с вьющимися волосами.

– Что ты тут делаешь? – спросил он, прищуривая один глаз.

– Вот, – она показала фуражку. – Решила занести.

– А, так ты к Максусу? – он улыбнулся еще шире. – Пойдем, я проведу.

Таня нерешительно двинулась за парнишкой. Ее немного напрягало то, что все происходит так просто. Фуражку зашла занести? Проходи. «И он даже не поинтересовался, откуда я узнала об их местонахождении, – подумала Таня, когда они приблизились к пункту. – Почему все так легко? Все слишком просто...»

Парень прошел к солдатам, обменялся с ними парой слов, из которых девушка услышала лишь «она со мной», и поминал к себе. Таня, стараясь не смотреть на глядящих в упор на нее солдат, начала медленно проходить мимо них. Уже когда она прошла их и спокойно выдохнула, то услышала голос одного из них:

– Постойте.

Остановилась, испуганно взглянув на собаку. Та спокойно сидела у ног дальнего солдата и смотрела на Таню взглядом, полным безразличия.

– Можно вашу сумку? – спросил парень, ткнув стволом

автомата в сторону девушки.

Она посмотрела на парнишку, который провел ее. Он, поняв ее намек, кивнул и ободряюще улыбнулся. Таня, вдохнув и выдохнув, сняла ремешок с плеча и протянула сумку солдату. Тот, раскрыв ее, начал рыться в ней, звеня ключами. Поняв, что ничего противозаконного там нет, закрыл и протянул хозяйке.

– Можете идти.

Таня молча приняла сумку и вновь повесила на плечо. Парнишка, до этого снявший свою фуражку, вытерший пот со лба и пригладивший волосы, жестом руки попросил следовать за ним.

Пока они проходили возле ангаров, Таня вовсю оглядывалась, не стесняясь присутствия идущего впереди нее белобрысого паренька. Некоторые ангары были закрыты, ворота некоторых были открыты – девушка видела стоящие в них массивные самолеты. Большие, темные и страшные машины.

Остановившись на пару секунд возле открытых ворот одного из ангаров, парень задумчиво кивнул сам себе и прошел вперед. Таня, увидев номер «9», медленно пошла за ним.

– Макс! – крикнул он, сложив руки рупором. Ломающийся голос его эхом разнесся по всему ангару. – К тебе пришли!

Увидев самолет и нескольких парней, возле которого они крутились, Таня бегло осмотрела их. Ни в одном из них она не узнала Риделя.

– Макс! – еще громче крикнул парень, подходя к самолету.

ту. Остановившись в нескольких сантиметрах от него, застучал ладонью по корпусу. – Макс!

Пока он продолжал стучать ладонью по холодному металлу, те трое парней, которые возились с инструментами, быстро собрались и, поприветствовав своего друга, пошли на выход. Проходя мимо стоявшей у ворот Тани, каждый окинул ее оценивающим взглядом; один даже присвистнул. Рассмеявшись, они ушли.

Тут Таня, сквозь шум, исходивший от того белобрысого паренька, услышала глухие недовольные возгласы, доносившиеся откуда-то из самолета. Тут из кабины вылез ругающийся Макс, которого отвлекли от работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.